

«МУЗЫКА ПЕРВАЯ МУКА КРЕЩЕНДО»

МНОГОУРОВНЕВАЯ МЕТАМОРФОЗА В СТИХАХ В. НАЦЕНТОВА

АРМАН НОМАРОВ
Сибирский поэт. Родился
в 1999 году в Омске.
В 2016–2019 годах — семинарист
литературного «ПарОм» (при
Омском отделении Союза
русских писателей).
В 2021 и 2022 годах — семинарист
студии издатель-

ства «СТИХИ» (семинары
Ю.В. Назарина и В.А. Нуллэ).
С 2021 года — постоянный
семинарист журнала «Знамя»
в рамках школы писательского
мастерства и форума молодых
писателей Фонда СЭИП. Автор
книжки «Нерчь и зэречь» (2022).
Живет в Москве.

В октябрьском номере журнала «Знамя» вышла подборка Василия Нацентова. Назалось бы, удивляться нечему, очередная публикация хорошего и широко печатаемого автора в свежем «Знамени». Да и название подборки «Нрылатый бересклет», открывающейся «Одой бересклету», — все по-нацентовски: ровное линейное движение с пристальным вниманием геолога к природе.

*Когда-то здесь, со стороны другой,
по самой кромке, на моей сетчатке,
сами с собой, со мной играя в прятки.
Зеленый берег. Солнечный прибой.
О бересклет крылатый, сахалинский,
корейский, горный, склоновый, скалистый,
маакский, мой тенистый бересклет, —
пульсирующий вереск...*

Но вслед за этими строками возникает обрыв уже привычного для нас повествования — тема времени, возраста и далее — тема забывания, пропитанная действительным, вдумчивым осознанием:

*...сердце лет.
Теперь, когда, Кузнечик, годы, годы,
бессмертные, как муравьи, идут,
и я смотрю на них — в их муравьиной пади,
в моей морщинке — я смотрю на них:
я ничего, я ничего не помню...*

Подобного рода (само)забвение, оставление прежнего в большинстве случаев необходимо для продуктивного обновления (для яркого примера

тут можно вспомнить Авраама, оставившего всё, и все последствия, с этим связанными). И к Нацентову это обновление приходит!

Начинается увлекательное путешествие по богатейшему поэтическому миру.

Сам поэт отмечает новое дыхание — «музыка первая мука крещендо», недаром я озаглавил рецензию именно этой строкой, так как она очень точно описывает подборку в целом.

Обновленное дыхание требует нового воздуха, новый слух — звука, а новое тело просит имени. Мотив безымянности, отсутствия и поиска будет перетенять от текста к тенсту:

*...дай движенье душе
первого ржанья какой-нибудь лошади
в этой зловещей кричащей тиши
(будто в меновение казни на площади)
вот безымянное тело мое —
Твой мусикийский нетронутый шорох...*

*то ли как земля как москва огромен
как садовое обручало
и бессмысленен, безымянен так...*

Нет ничего, ни слова нет, ни звука.

Природа теперь не только предмет наблюдений лирического героя, но и хтоническая сила:

*...жизнь движется вперед
в разъятый рот в распятие оврага...*
*...встать на краю и кричать в темноту: солнце!
темно в утробе змеи...*

Вместе с этим появляется и другая сила, которая ведет героя и помогает ему подчинить этот ужас и оказаться в центре природы, что больше характерно для мифологии, таким образом лирический герой Нацентов на наших глазах преобразуется в мифологического:

*...Не страшно даже, но холодок такой
проходит от копчика до затылка:
ведут невидимой рукой, чужой и легкой...*
*...В центре леса поставлен стул:
что я вижу, на нем сидящий?
Как сетчатка слоятся лес,
затягиваются овраги
и наступает море старое, как барбос,
и лижет ноги.*

Далее природа будет верным другом, прибежищем от другой силы, не менее страшной для лирического героя, — города-общества:

*город — опрокидывался, как дерево,
обнажая корни многоэтажек,
котлованы страстей и страхов —
протяженный тоталитарный гул...*

И возвращение, с ребячьим восторгом:

*Навстречу миру выгнуться, как ветка:
привет тебе, ольховая сережка!
пролеска! первый дрозд, привет!
Дождь барабанит, палочки изящны...*

Обратно к природе возвращается совершенно другой человек, который снова наблюдает лес, но не так, как прежде:

*Я разбираю лес, как часовщик,
я всматриваюсь в мертвые детали
и отпускаю руки: нету сил.
Есть страх, и он подобен морю,
которому нет смысла и конца.*

*что звезды – кудри
две зари – две брови
что белый свет – от белого лица*

*Деревья – водоросли, жена – медуза,
Друг – рыба.
Не видно слез, и глаз, и губ не видно.
И только звук, как сердце, светится.*

Теперь он деконструирует природу, и страх, как пятая стихия, становится вещественным, превращается в море, сливается с лесом в одну энергию, а в этом всем одна константа — звук.

Такие масштабные метаморфозы поэтики, переосмысление взаимодействий в треугольнике «лирический герой — природа — Бог» сопряжены с тонкой работой по встраиванию новых элементов в образную систему, и стоит отметить, что у автора это получается органично.

Новая для Наценова образность (языковые понятия, метаметафоричные конструкции и проч.) никак не мешает существованию старых, проверенных образов птиц, природы, всему, что с этим связано, а только дополняет, углубляет их.

Здесь он видится мне грамотным садовником, который возделал землю, экспериментировал с рассадой и (о чудо!) теперь взращивает свой сад.

Подборка заканчивается стихотворением с говорящим названием «Автопортрет», где осмысляется все произошедшее и выстраивается окончательная логика повествования. Где кузнечик-хранитель памяти (стихотворение «Но время волн»), у которого до этого поэт спрашивал «Где райская мелодия твоя?», теперь выпрыгивает из рук и растворяется в воздухе — он выпал из материи.

В заключение хочу сказать, что эта подборка стала для меня открытием, приятным и удивительным. В ней совмещено эпическое повествование, в котором поэтическое сохраняется на протяжении всего текста, и правило трех «Э» (Ю. Назарин) — энигматичность, эвристичность, экспериментальность, что не оставляет возможности этим стихам считаться проходными или стать скучными. Желаю всем нам больше таких поэтических работ-явлений, а Василия поздравляю с новым (вышним) этапом его поэтического развития.